

Амерхан Межитов

Тайны Ногая, хана Кыпчакского ханства

Амерхан Межитов

**Тайны Ногая, хана
Кыпчакского ханства**

«Автор»

2019

Межитов А.

Тайны Ногая, хана Кыпчакского ханства / А. Межитов —
«Автор», 2019

ISBN 978-5-532-10301-6

Читателю впервые предлагаются ранее неизвестные сведения о жизни и деятельности известного золотоордынского темника Ногая. Многие события в истории России XIII века изложены в оригинальном авторском видении. Ломаются сложившиеся стереотипы во взглядах на российскую и мировую историю Средневековья. Автор предлагает по-новому взглянуть на трактовку феномена «монгольское иго», переосмыслить вопрос, является ли хан Батый основателем российского централизованного государства, и порассуждать о многих проблемах того периода на основании как уже известных исторических данных, так и открытий, совершённых учёными в наше время.

ISBN 978-5-532-10301-6

© Межитов А., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Предисловие	5
Дешт-и-Кыпчак, или Кыпчакское ханство	7
Котен-батыр (Котян) и нашествие Батыя	12
Царевич Мангыш	19
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Предисловие

Изучая историю XIII века Руси или стран Евразийского континента, невозможно игнорировать жизнедеятельность известного золотоордынского беклярбека Ногая. Его деятельность охватывала множество стран и касалась широкого круга событий. Практически всюду он играл ведущую роль. Поэтому Ногай не был обделён вниманием как средневековых авторов, так и последующих поколений, включая современников. О нём довольно много писали русские историки, авторы из Польши, Венгрии, исследователи из восточных стран, Византии и др. Причём сведения о Ногае порой изобилуют весьма интересными подробностями, так что для воссоздания подлинной его биографии, казалось бы, не должно быть проблем.

Однако, проанализировав большинство серьёзных источников, содержащих сведения о Ногае, мы столкнулись с множеством нестыковок. В ходе исследования нами обнаружилась масса противоречивых фактов, искажающих не только жизнедеятельность Ногая как личности, но и оценки тех или иных исторических событий, связанных с участием Ногая.

Встречаются работы, в которых авторы позволяют себе достаточно вольные толкования мотивов поведения Ногая, не учитывая исторических условий, в которых действовал Ногай, зачастую противореча общей логике исторических событий. Обращает на себя внимание и тот нюанс, что подавляющее число авторов с удивительным единодушием стараются без оснований демонизировать личность Ногая и выставить его как властолюбивого, жестокого деспота. Нередки случаи, когда ему приписывают несвойственные ему черты характера, которые не укладываются в систему его ценностей, основанных на его мировосприятии.

Он обладал огромной властью, влияние его распространялось на многие государства и их главы. Такая могучая сила не могла прийти к нему просто так. С раннего возраста он проделал неимоверно тяжёлую работу над собой, победил в себе страсти, подчинив их служению своему народу. Его многогранная личность вобрала в себя лучшие качества его племени, его предков. Своим благородством он возвышал достоинства рода, к которому принадлежал.

В настоящей работе нам удалось проследить с раннего возраста путь восхождения Ногая к самой вершине власти. Этот путь был нелегко, тернист. Преодолевая преграды на своём пути, наш герой становился крепче, мудрее, сильнее. В конечном итоге он, Ногай, сформировался как выдающийся военачальник и духовный лидер. Он развил в себе прекрасные человеческие качества семьянина, любящего отца и надёжного мужа.

Наши наблюдения позволяют сделать вывод, что деятельность Ногая в течение нескольких столетий рассматривается многими авторами в рамках сложившегося много веков назад стереотипа. Практически отсутствует серьёзное критическое осмысление личности Ногая в мировой истории. Тенденциозность оценок личности этого средневекового государственного деятеля не только не ослабевает со временем, а наоборот, краски всё более сгущаются.

Исходя из этого, мы были вынуждены отойти от строго научной формы изложения и прибегнуть к публицистической манере. Историко-публицистический жанр позволяет нам презентовать настоящее исследование не как строго научную работу и позиционировать себя не в качестве кого-то, владеющего истиной в последней инстанции. Мы оставляем себя открытыми для серьёзной, обоснованной критики, чтобы впоследствии можно было развить данное исследование и обогатиться новыми сведениями, если таковые появятся.

Вместе с тем мы старались не отходить столь сильно от науки и в основном придерживались научно-популярного стиля. Это связано прежде всего с избранным нами методом исторического моделирования – именно данный метод позволяет нам держать свои гипотетические версии в рамках допустимой строгости. Чтобы не расширять пространство для полемики, некоторые термины в освещении истории Кыпчакского ханства приходилось оставлять без изменения.

Например, сегодня практически всеобщим достоянием стали сведения о том, что империя Чингисхана не имеет отношения к монголам, в связи с чем называть завоевание Кыпчакского ханства вместе с Русью «монгольским завоеванием» – недоразумение. Выяснение такого рода недоразумений отвлекло бы нас и могло увести далеко в сторону. Поскольку в исторической науке и массовой литературе по-прежнему продолжают называть завоевателей монголами, то во избежание путаницы мы сохранили в тексте такое название. Население Кыпчакского ханства – как до нашествия Батыя, так и после – оставалось неизменным. Существуют весьма любопытные исследования по этой теме.

Российские учёные геногеографы Е. В. Балановская и О. П. Балановский в 2009 году исследовали генофонд литовских татар. Они сформировались как субэтнос из военного сословия политических образований XV века – Большой Ногайской Орды, Малой Ногайской Орды и Крымского ханства, являющихся осколками Улуса Джучи XIII–XIV веков. Обособились в Великом княжестве Литовском в начале XVI века. Рассмотрены в научной лаборатории четыре массива данных: гаплогруппы Y-хромосомы дворянских родов, гаплогруппы Y-хромосомы и мтДНК научных выборок, а также широкогеномные данные по однонуклеотидному полиморфизму. Наличие генетических монголов по мужской линии в предках литовских татар исключается. Учёные считают, что по феномену «Монгольское завоевание XIII века» нанесён серьёзный удар.

Если проследить за ходом мыслей вышеупомянутых учёных, то, судя по результатам их исследований, они пришли к однозначному заключению. Генетический портрет литовских татар характеризует этнические корни военного сословия политических образований XV века – Большой Ногайской Орды, Малой Ногайской Орды и Крымского ханства, являющихся осколками Улуса Джучи XIII–XIV века. Наличие генетических монголов по мужской линии среди предков литовских татар исключается. Это однозначно свидетельствует о том, что монголы не принимали участия в формировании военного сословия «степных» политических образований. В соответствии с феноменом «монгольские завоевания XIII века», предки караногайцев, кубанских ногайцев и крымских татар являлись «титულიной нацией» Улуса Джучи и постордынских формирований XV – начала XVII века: Большой Ногайской Орды (среднее и нижнее течение Урала, Эмба, Орь, Иргиз, Самара, Большой и Малый Узени, в отдельные периоды – и правобережье Волги), Малой Ногайской Орды (степи между Каспием и Азовским морем) и Крымского ханства (Крым и Северо-Западное Причерноморье).

Опираясь на исследования учёных-геногеографов, можно понять непримиримый характер борьбы между потомками Котена-батыра и чингизидов. Различные исследования показывают, что чингизиды принадлежали к тюркоязычному роду, исповедовали тенгрианство, что позволяло им находить себе опору внутри кыпчакского общества. Чингисхан, создав в Азии свою империю, получившую в литературе название «монгольская», стал расширять свои владения, завоёвывая всё новые и новые государства. Батыю удаётся захватить власть в Кыпчакском ханстве и создать династию потомков Джучи. Но костью в горле им становятся кыпчакские и русские патриоты.

Это работа адресована массовому читателю, и для облегчения восприятия текста при чтении я сознательно не стал загромождать её сносками. Авторы и наименования источников соответствующим образом упоминаются в самом тексте.

Надеюсь, внимательный читатель сумеет разобраться во всех перипетиях истории XIII века, изложенной на страницах книги «Тайны Ногая – хана Кыпчакского ханства».

Дешт-и-Кыпчак, или Кыпчакское ханство

Время и обстоятельства, в которых появился термин «Дешт-и-Кыпчак», который мы заменили на «Кыпчак эл», или «Кыпчакское ханство», в исторической литературе всегда толковались неоднозначно. Некоторые авторы считают, что изначально этот термин появился в персидской историографии в XIII веке. Однако академик В. В. Бартольд, известный своей щепетильностью, в работе с первоисточниками оспаривал правомерность такой точки зрения, ссылаясь на более достоверные сведения. Термин «Дешт-и-Кыпчак» («Кыпчакская степь»), по его утверждению, вместо прежнего термина «Гузская степь» встречается уже у автора XI века, персидского поэта Насир-и-Хусрау. Отсюда, по мнению академика, следует, что данный термин закрепился в тот исторический период, когда миграционный процесс кыпчаков достиг своего апогея, то есть когда они, вытесняя огузов в южном и западном направлениях – в Поволжье и в южнорусские степи, – успешно сменили печенегов. По мере возвышения и усиления влияния кыпчаков, что означало их господствующую роль в политической жизни Восточной Европы и Средней Азии, под Дешт-и-Кыпчаком стали вполне обоснованно подразумевать степи от Иртыша до Дуная как территорию кыпчаков.

Данные о кыпчаках и о земле кыпчакской имеются в русских летописях, в сочинениях европейских путешественников, в записках восточных авторов. Как утверждают специалисты, наибольшее распространение термин «Дешт-и-Кыпчак» получает в персидских письменных источниках, особенно в XIII–XIV вв., в результате вытеснения арабского языка персидским.

В собранных источниках В. Г. Тизенгаузена топоним «Дешт-и-Кыпчак» (обобщённо – «Царство кыпчакское», а мы бы добавили – «Кыпчакское ханство») встречается довольно часто. При внимательном прочтении обращает на себя внимание то, что в более ранних персидских хрониках периода завоеваний Чингисхана термин «Дешт-и-Кыпчак» упоминается в значении главного этногеографического региона Улуса Джучи наряду с другими областями этого средневекового государства. Постепенно привычный географический термин «Дешт-и-Кыпчак» начинает употребляться отдельными персидскими историками с некоторым смысловым оттенком, придающим ему название государства.

Надо сказать, что данное обстоятельство впоследствии приобрело черты своеобразной историографической традиции, сыгравшей свою роль в исторических исследованиях. Однако в современной историографии термин «Дешт-и-Кыпчак» долгое время употреблялся больше как название географической местности, а не как название государства.

В географическом смысле под Дешт-и-Кыпчаком подразумевают исторический регион Евразии, представлявший собой Великую Степь, которая простиралась от устья Дуная до низовий Сырдарьи и озера Балхаш. В древнерусских источниках данный регион также называют Половецкой степью, которую населяли народы кыпчакской группы.

Дешт-и-Кыпчак – историческая территория, которая ныне разделена между тремя государствами: Россией, Украиной и Казахстаном.

Официальная историография утверждает, что в домонгольскую эпоху (имеется в виду нашествие Батые) население Дешт-и-Кыпчака не представляло собой единой этнополитической общности, различаясь как по общественно-политической организации, так и по способам хозяйствования.

История страны кыпчаков до сих пор остаётся почти неизвестной современным историкам не только из-за недостатка источников. В течение долгого времени кыпчаки просто игнорировались исторической наукой. Правда, в последнее время информация накапливается, хотя с интерпретацией этих материалов дело обстоит далеко не просто. Слишком много существует противоречивых толкований, порой взаимоисключающих.

По мнению академика В. В. Трепавлова, в последние годы стали вызревать некоторые положения, которые, возможно, позволят по-новому взглянуть на историю Евразийских степей первых полутора тысячелетий нашей эры. При всей справедливости суждений историка В. Трепавлова, что персидское книжное понятие «Дешт-и-Кыпчак», «появившись в рамках мусульманской географической традиции и заменив прежние "Мафазаталь-гуз" и "Дашт-и-Хазар", обозначало один из регионов шестого "климата"», мы не можем согласиться с его утверждением, что оно не может служить наименованием какой-либо общности племён и народов. Безусловно, для иноземных наблюдателей все обитатели степной страны, как правило, выступали в качестве кыпчаков (или куманов). Этот этникон, как недвусмысленно утверждает В. Трепавлов, охватывал массу родоплеменных объединений, различных по происхождению. И, тем не менее, наименование «кыпчак» этим объединениям дали последние в силу своего доминирования. Можно сказать, что довольно значительная часть племён пользовалась словом «кыпчак» как самоназванием. Поэтому по поводу главенствующей роли значительной кыпчакской части можно не сомневаться, поскольку существует огромное количество свидетельств о явной многочисленности кыпчаков на данной территории в течение довольно длительного исторического периода.

Между тем мы имеем все основания говорить об обширном государстве кыпчаков, которое они создавали с XI века, придя с берегов Иртыша и заняв территорию современного Казахстана и Южнорусских степей. В X веке они занимали территорию нынешнего Северо-Западного Казахстана, гранича на востоке с кимаками, на юге – с огузами, а на западе – с хазарами. Вследствие демографического взрыва, главной причиной которого явилось перенаселение степей, кыпчаки вынуждены были в поисках новых земель и пастбищ для скота сдвинуться с насиженных мест. В результате кыпчаки вновь столкнулись с печенегами.

К этому времени противостояние печенегов с Византией достигло такого уровня, когда, не справившись с непрерывным натиском печенегов, византийский император обратился за помощью к кыпчакам. Один из прагматичных кыпчакских солтанов решил поддержать византийцев с целью расправиться с давним соперником в степи. В результате кыпчаки, разгромив печенегов, заняли территорию от западных отрогов Тянь-Шаня до Дуная.

Части разгромленных печенегов вместе с тюркоязычными аланами или асами Северного Кавказа, болгарами и торками образовали политический союз с кыпчаками. Такое полиэтничное образование стало основой, ядром будущего кыпчакского государства, где кыпчаки играли организующую политическую роль при формировании новой политической общности. Именно поэтому к кыпчакскому периоду мы не только относим IX–XIII вв., но и включаем весь XIV век и время расцвета Золотой Орды, что даёт нам право уверенно пользоваться историческими источниками так называемого «золотоордынского» периода.

В основном это наблюдения арабских и персидских историков и путешественников. Однако сообщаемые ими географические данные можно без натяжки отнести и к XIII веку, поскольку размеры государства и основные его составляющие до второй половины XIV века существенных изменений не претерпели. Это подтверждается также сообщениями Плано Карпини. Правда, в своих попытках суммарно очертить территорию Золотой Орды ему не удалось окончательно воссоздать целостную картину земель государства. Но здесь нас привлекают детали другого плана. В его стремлении определить суммарный список народов, который он приводит, обнаруживается интересный факт. В разное время обитавшие на обширных пространствах Европы и Азии и подвластные золотоордынским ханам, по свидетельству Карпини, оказываются, тем не менее, кыпчаки. Он упоминает лишь «страну команов» (так называли на Западе страну кыпчаков) с четырьмя реками: Днепром, Доном, Волгой и Яиком. Как известно с половецкого времени, эти реки к тому периоду уже несколько столетий считались кыпчакскими.

Это было, несомненно, вполне оформившееся государство с конкретными границами и обитателями. По свидетельству Гильома Рубрука, в самый начальный период Золотой Орды западные границы простирались «от устья Танаида (Дона) к западу, до Дуная», где всё принадлежало золотоордынцам, а также «за Дунаем, в направлении к Константинополю».

О масштабах государства кыпчаков можно судить по письменным источникам, которые приводят арабские и персидские историки. В их описаниях «Дешт-и-Кыпчак» простирается в длину на восемь, а в ширину – на шесть месяцев пути. Некоторые сокращали его до шести месяцев пути в длину и четырёх месяцев в ширину, что, впрочем, совершенно не умаляет масштабов территории. Есть, например, в источниках такие описания пространства: «...от моря Константинопольского до р. Иртыша в длину на 800 фарсахов, а в ширину – от Бабелеббаба (Дербента) до г. Булгара, т. е. приблизительно на 600 фарсахов».

Одно из наиболее подробных описаний пределов Золотой Орды принадлежит автору первой половины XIV в. аль-Омари, которое он составил на основании расспросов побывавших в ней купцов и дипломатов. Описывая в целом территорию государства, аль-Омари приводит названия наиболее известных его городов и провинций. Среди них, например, он называет города, известные ещё со времён половецкого (кыпчакского) доминирования: Хорезм, Сыгнак, Сайрам, Яркенд, Дженд, Сарай, Маджар, Азак, Акчакерман, Кафу, Судак, Саксин, Укек, Булгар, Дербент, а также области Сибирь и Ибиль, Башкырды и Чулыман.

Советский учёный В. Л. Егоров в своём историко-географическом исследовании, ссылаясь на аль-Омари, пишет, что в качестве дополнительной характеристики общей площади государства можно использовать названия текущих здесь рек: Сейхун (Сырдарья), Джейхун (Амударья), Дунай, Итиль (Волга), Яик (Урал), Дон (Тан), Торлу (Днестр). Перечисленные аль-Омари города разбросаны по всей территории государства – от пределов современного Казахстана и Средней Азии до Западного Причерноморья. Самой восточной окраиной Дешт-и-Кыпчака названа область Чулыман, находившаяся в Сибири. Привлекает внимание, что крайняя западная область чётко не определяется, хотя упоминается р. Дунай. Предваряя наше исследование, хотим подчеркнуть, что территория нижнего Дуная имеет свои причины, чтобы удостоиться особого внимания в данной работе. В дальнейшем мы вернёмся к этой особенности при определении западной части Золотой Орды. В качестве северного предела государства названы г. Булгар и область Башкырды. Южная граница обозначена городом Дербентом.

Примечательна и следующая деталь. Северо-восточные и юго-западные земли, где проживало русское население, ряд историков рассматривают отдельно от основных земель государства Дешт-и-Кыпчак. В данном случае это означает, что современные исследователи обособляют земли, заселённые кыпчаками или близкими им по языку народами, по национальному признаку. Отсюда делаются их собственные допущения, которые имеют мало общего с исторической действительностью. Утверждается, что территории русских облагались данью как бы на кабальных условиях и в то же время существовали в положении полунезависимых земель. Этот сложившийся стереотип, содержащий явное противоречие и передающийся из поколения в поколение, совершенно затуманивает взгляд на исторические реалии. В государстве дань, или, говоря современным языком, налоги в государственную казну платили все, в том числе сами кыпчаки. Облагаться данью могли только подданные государства, соответственно, северо-восточные и юго-западные земли являлись частью единой административно-государственной территории. Следовательно, эти земли составляли территориальную основу единого государства. Ядром огромной государственной территории были причерноморские, прикаспийские и нынешние североказахстанские (тогда такого названия не было) степи вплоть до сибирской реки Чулыман.

На момент захвата ханского престола Кыпчак эл (государства) ханом Батыем в стране только-только завершались процессы централизации государственной власти.

Ещё задолго до нашествия чингизидов государство кыпчаков состояло из двух основных групп, тесно связанных между собой: западной – между Днестром и Днестровско-Дунайским междуречьем – и восточной – от Днепра до Волги и Яика. Концентрация политической власти происходила в западной части половецких степей, где правил хан Боняк, получивший позднее титул «великий хан».

Для нашего исследования принципиальное значение имеет, как мы уже обозначили, такая деталь, как Нижнедунайская низменность. В течение длительного времени здесь происходило противостояние между силами Батыя и официальной властью кыпчаков, к тому времени уже унаследованная ханом Котеном, потомком хана Боняка. В результате левобережье Дуная подверглось затяжному разграблению. Длительное пребывание арьергардных отрядов Батыя в Нижнедунайской низменности было связано с ожесточённым сопротивлением войск хана Котена, ставка которого как раз и располагалась в Нижнедунайской низменности в Пруто-Днестровском междуречье, в его родовом поместье – улусе. Это именно та территория, которая в истории известна как вотчина знаменитого темника Ногая. Ещё до рождения Ногая эти обширные земли родового поместья будут переданы Мангышу – старшему сыну солтана Котена. А Ногай, по-видимому, становится владельцем этих земель уже после Мангыша.

Для окончательной победы Батыю требовалось низложить Котена Сутоевича. Есть в литературе распространённое мнение, что Батый неоднократно предлагал хану Котену отказаться от боя и стать его вассалом. А хан Котен якобы отверг такое предложение. Как показывают дальнейшие события, Батый укреплял свою власть, преодолевая мощное сопротивление со стороны местного населения, прежде всего кыпчаков, и ещё не мог диктовать свои условия. В течение длительного времени он избегал открытого сражения с Котеном, прибегая к подкупу определённой части кыпчакской знати, коварно и подло нанося удары в спину. Излюбленным его приёмом стало отравление наиболее крупных и влиятельных представителей кыпчакской и русской аристократии.

Тем не менее, солтан Котен в течение нескольких лет сохранял за собой Пруто-Днестровское междуречье, управляя объединёнными войсками. Котену долгое время удавалось успешно отражать вероломные натиски войск Батыя и его союзников из числа оппозиционных кыпчакских биев и русских князей западной Руси. Изрядно измотав силы войск Батыя, он всё же сокрушил киевскую оппозицию. Киев был разорён и разграблен. Однако на восстановление сил Западной Руси были брошены средства Римского Папы, прежде всего в лице Тевтонского ордена. Было ясно, что в условиях ведения войны на два фронта шансы на спасение основных сил невысоки. Котен принимает решение перенести свою ставку на территорию Венгрии после того, как ему удаётся в Кыпчакском ханстве организовать сеть объединений подпольного сопротивления из числа преданных ему кыпчакских князей и непримиримых волхвов союза племён асов. Убедившись, что враг не сможет преследовать его войска, хан Котен с многочисленной армией в сорок тысяч шатров пересекает границу Венгрии, где в это время королём был его зять.

Оставшаяся часть населения кыпчаков с асами и жителями Восточной Руси продолжала вести сопротивление.

На территории Венгрии кыпчаки восстанавливали силы и ни на йоту не оставляли намерения вернуться на родину. Гибель хана Котена, о чём мы расскажем ниже, на некоторое время оттянула решающий момент возвращения. После гибели выдающегося солтана Котена, которого ногайцы до сих пор чтят и почтительно называют Котен-батыр (Котен Великий), его войско возглавил рано сформировавшийся военный предводитель Аккас, внук и воспитанник солтана Котена, известный в мировой истории и в народе под именем Ногай.

Аккас очень рано проявил себя как талантливый стратег. Ему удалось свой решительный марш-бросок с территории Венгрии на Пруто-Днестровское междуречье согласовать с народным ополчением у себя на родине, в Кыпчакском ханстве Дешт-и-Кыпчаке. В результате он

вытеснил из своего родового улуса чингизидов навсегда. До конца жизни он держал улус под своей властью. Ни одному из ханов Золотой Орды, пока был жив Аккас, не удавалось распространять свою власть на владения Аккаса-Ногая.

В исторической литературе бытует мнение, что якобы этот улус передан Ногаю по высочайшему решению верховной власти Золотой Орды. Сведения о том, что такой важный вопрос в истории Золотой Орды решался на специальном курултае, никакими явными или неявными источниками не подтверждаются. Судят об этом исключительно по более позднему предположению Карпини, в котором уже зафиксированы реальные границы кочевий, установленные в результате такого раздела.

Но при этом историческая наука не располагает какими-либо письменными свидетельствами, что эти земли переданы Ногаю чингизидами. Мало того, у Карпини западные границы уже Золотой Орды пролегают между Пруто-Днестровским междуречьем и Золотой Ордой. Карпини, например, совершенно не упоминает о принадлежности земель за Южным Бугом и Днестром Золотой Орде, на что мы обращали внимание вначале. Умолчание Карпини о Пруто-Днестровском междуречьи и низовьях Дуная как раз и подтверждает, что этот район не находился под властью Батые и остальных чингизидов.

Некоторые исследователи подчёркивают, что в источниках не содержится сведений относительно того, кому конкретно принадлежал этот улус в 40–50-х годах XIII века. А все дело в том, что в это время солтан Котен со своей армией защищал свои земли от набегов Батые. Известно также, что в 60-е годы этим улусом владел Ногай как полновластный хозяин. О появлении Ногая на западной окраине историки лишь догадываются, выдвигая различные версии.

Арабские авторы сообщают, что становища Ногая находились на Дунае в районе города Исакча. Это же подтверждают византийские историки, сообщая, что Ногай «имел местопребывание по ту сторону Истра», т. е. по отношению к Византии – севернее Дуная. Ядром его владений было Пруто-Днестровское междуречьи.

А между тем дело было так...

Котен-батыр (Котян) и нашествие Батыя

В течение многих тысячелетий восточноевропейские степи считались поистине колыбелью народов, занимающихся скотоводством. Именно скотоводство определило особый характер производства – кочевничество. Народы, которые занимались скотоводством, получили в литературе название кочевники. Следует, однако, подчеркнуть, что это далеко не в полной мере отражает разнообразие и полноту экономической жизни этих народов. Обычно под кочевничеством подразумевают образ жизни, предполагающий перемещение огромной массы людей в поисках пастбищ для скота, зачастую путём их насильственного завоевания, а также относительно низкий уровень цивилизации. Так ли это на самом деле, мы постараемся выяснить в ходе дальнейшего нашего исследования. Как бы то ни было, образ жизни, характер, менталитет и мировоззрение скотоводов формировались под влиянием соответствующего способа ведения хозяйства.

Безбрежные восточноевропейские степные просторы населяли различные народы. В разное время и по-разному складывалась судьба того или иного степного народа. Соответственно, менялась участь тех или иных народов в зависимости от того, кто возвышался в определённый исторический промежуток времени, становясь доминирующим на конкретной территории.

В литературе бытует представление о том, что половцы (кыпчаки), живя по соседству с земледельческими народами, являли собой отсталые племена, находящиеся на родоплеменной стадии. По мнению большинства историков, кыпчаки, занимающиеся скотоводством, будучи кочевниками, не знали земледелия, в отличие от земледельческих народов, и по уровню развития считались народом на порядок ниже, чем их соседи. Принято считать, что земледелие пришло на смену скотоводству как более прогрессивный способ ведения хозяйства.

На самом деле кыпчаки к началу XIII века успешно сочетали скотоводство с земледелием, переживая существенный экономический подъём. Это позволяло кыпчакской аристократии по всей восточноевропейской лесостепи занимать господствующие позиции.

У кыпчаков перевозка грузов с использованием коней, верблюдов была развита с давних времён. В XIII веке кыпчаки довольно успешно освоили доставку грузов и по речному пути, благодаря чему экономические и социальные связи с соседями начали бурно развиваться. Между кыпчаками и соседями, в особенности с русскими, сложились очень прочные деловые и крепкие человеческие отношения. В контактах между народами получило развитие двуязычие. Как у кыпчаков, так и на Руси появляется огромная масса людей, хорошо знающих язык другого народа. Как явствует из работ известной советской учёной Светланы Плетнёвой, матерями и няньками русских княжат и боярских детей нередко были кыпчакские женщины. Они пели песни на родном языке и обучали подопечных кыпчакской речи. Возможно, сегодня для современного читателя в силу укоренившегося стереотипа это может показаться невероятным, но в XIII в., а затем в XIV–XV веках на значительной части евразийского континента языком межнационального общения был именно кыпчакский язык.

В XIII веке в пограничных со степью русских княжествах общение между людьми осуществлялось на двух языках. В аулах кыпчаков жили тысячи «русичей»: жёны, служанки, рабы, пленные воины.

Разносторонние отношения и связи лишь способствовали укреплению и объединению между народами, относящимися даже к разным языковым группам. А это, в свою очередь, способствовало экономическому подъёму народов, населявших данную территорию.

Существует пристрастный взгляд, что кыпчаки не умели укреплять, отстаивать и тем более строить города. Столь распространённое заблуждение и явное невежество можно развеять внимательным прочтением русских летописей и других источников, где были зафиксированы кыпчакские географические названия местностей и городов, которые в последующем,

по истечении исторического времени, переименовывались русскоязычным населением на свой лад.

Для наглядности можно сослаться на множество примеров, которые приводят дореволюционные русские историки: город Адалаш из летописи переименовали в Водолаг, а кыпчакский город Гузун впоследствии назвали Изюмом. Известно также, что в течение длительного времени некоторые города сохраняли двойные имена: Орёл – Угол, Самара – Снопород и т. д. Особенно много таких названий дореволюционные исследователи насчитали близ города Харьков на Украине. Например, от имени хана – Бус – произошли названия – Бусов яр, Бузов новый, Бузов старый. Кыпчакских ханов сами кыпчаки традиционно называли солтанами. Отсюда названия: Салтавский, Салтановск.

Сложность определения кыпчакских городов связана и с тем обстоятельством, что название одного и того же города часто менялось – когда после смерти одного предводителя или родоначальника известного рода появлялся другой, то и город изменял своё название.

Город Шарукан, например, носил разные названия: сначала он назывался именем хана града Осенева или Асенева – кыпчакского хана Асана. После смерти первого хана город назвали по имени хана Шарука – Шарукан. Чешуев-Чешлюев – по имени хана Чугая. Сугров – по имени хана Сугры. Харьков – Харкан, Гаркан, Шаркан.

Города строились для управления различными областями и являлись политическими и экономическими центрами.

Дома в городах, где шла оживлённая жизнь, обусловленная главным образом развивающейся торговлей, преимущественно строились из неразборного глинобитного материала.

В городах возводились дворцы для знати и административные здания, а вокруг них возникали кварталы вольных жителей, купцов и ремесленников.

Как правило, города служили важными перевалочными пунктами на Великом Шёлковом пути.

Известно, что к концу XIII и началу XIV в. такие развитые города, как, например, Ургенч и Сарайшык, были связаны друг с другом трассами. В данном случае трасса между ними расходилась, по свидетельству археологов, в четырёх направлениях. Одно вело вдоль реки на север, другое – через степь на столицы Сарай аль-Махруса и Сарай аль-Джедид, а третье – вдоль побережья Каспийского моря на Хаджи-Тархан и далее в Крым. Все они были обеспечены караван-сараями, колодцами или другими источниками чистой воды. Четвёртым направлением являлся водный путь через Каспийское море в Иран и Азербайджан.

По данным османского хрониста Хаджи Халифа, у устья реки Яик был расположен городок Свандж (или Сваих), который ранее был столицей куманов. По утверждению Трепавлова, этот город был заселён позднее ногаями. Правда, он считает, что ногаями город Свандж был заново отстроен, следовательно, ногайцы будто бы пришли на смену куманам. На самом деле это как раз подтверждает кыпчакское происхождение ногайцев, поскольку ногайцы ранее называли себя кыпчаками и были коренными жителями.

Строили они города не хаотично, а по определённом плану, с учётом специфики деятельности животноводов. Дома в основном строились из сырцового кирпича. Они имели от двух до четырёх комнат вполне солидных размеров и кладовые. В жилом помещении обычно вдоль стен устраивали лежанку, обогреваемую устроенными внутри дымоходными горизонтальными каналами. Стены штукатурили глиной и белили.

В окрестностях города близ речных протоков располагались посевные поля, сады и огороды, орошаемые при помощи чигирных (от кыпчакского слова «шыгыр» – колесо) установок. Это такое большое деревянное колесо с привязанными к нему сосудами. Находящиеся в нижней части колеса сосуды зачерпывали воду, а, поднявшись с помощью колеса вверх, выливали её обычно в деревянный жёлоб, от которого начинался арык.

Городские бани кыпчаков представляли собой несколько разнофункциональных помещений, сырцовые стены которых были облицованы декоративными плитами или покрыты водостойкой штукатуркой. Полы, выложенные обожжённым кирпичом, имели специфическую конструкцию, обеспечивающую подогрев снизу. Для горячей воды сооружали большой сосуд – хум. Водосточная канава заканчивалась ямой-отстойником. Воду нагревали в больших чугунных и бронзовых котлах. Размеры бань достигали десяти, а то и более пятнадцати метров, что свидетельствовало о распространённости общественных и дворцовых бань.

Водоснабжение города осуществлялось не только с помощью колодцев во дворах, но и перевозкой на арбах речной воды в кувшинах.

Хозяйственная деятельность горожан в значительной мере была связана с производством различных товаров для города и степи.

Наиболее активно шла торговля у кыпчаков с Корсунью (Херсонесом), где царили византийские купцы, Сурожем (Судаком), который был освоен итальянскими купцами (в основном генуэзцами), и Тмутараканью, в которой, помимо византийцев, большую роль играли собственнотмутараканские купцы и ремесленники.

В середине XIII в. араб Ибн аль-Асир писал о Суροже: «Этот город (Судак) кыпчаков, из которого они получают свои товары, потому что он лежит на берегу Хазарского моря и к нему пристают корабли с одеждами: последние продаются, а на них покупаются девушки, невольники, буртасские меха, бобры, белки и другие предметы, находящиеся в земле их». О том, как развивалась жизнь в приморском городе, можно составить представление, ознакомившись с Половецким словарём (Codex Cumanicus), который был создан в одном из кыпчакских городов. Список слов в словаре, объединённых в смысловые группы, свидетельствует, что в кыпчакских приморских городах уже существовал развитый слой купечества и ремесленников. Можно смело утверждать, что торговля развивалась на достаточно высоком уровне, поскольку в обиходе были серебряные монеты, имеются свидетельства соблюдения правил торговли, учёта и контроля вплоть до письменного оформления своих долговых обязательств. О широком ассортименте товаров говорят названия тканей разных сортов, записи названий восточных товаров (пряностей, духов и пр.), драгоценных камней, которые столь скрупулёзно и с дотошностью коммерсанта перечисляются в словаре. Упоминаются даже рабы, что является подтверждением широкого расслоения общества на основе имущественного неравенства.

Городское общество представлено людьми различных профессий, занятых строительным, портняжным делом. Были развиты такие профессии, как врач – общего профиля и хирург, – художник, трактирщик, мясник и т. д.

Находки, сделанные в процессе археологических раскопок, раскрывают удивительные особенности жизни кыпчаков. Например, металлические части предметов, сохранившиеся чуть ли не в первозданном виде: железные удила и стремена, подпружные пряжки, железные наконечники стрел, сабельные клинки, небольшие железные ножики и огнива.

У кыпчаков было неплохо налажено кузнечное производство со своими традиционными степными приёмами, особенным стилем степняка. Из кузни в кузню, как убедились археологи, по степи быстро распространялись нововведения: большая искривлённость сабель, простые арочные стремена, удила с большими плоскими кольцами и т. д. И все это подтверждается археологическими находками. Очевидно, разбросанные по степи мастера-кузнецы были довольно тесно связаны друг с другом.

Помимо железных вещей, изготавливали берестяные и кожаные колчаны (железными «скобками»), костяные накладки-петли для берестяных колчанов, костяные накладки на лук и костяные «петли» для конских пут. Тщательность отделки предметов, судя по шлифовке поверхности кости, свидетельствует о том, что работали специалисты высокого класса.

О высоком уровне организации производства говорит специализация труда. Одни клеили луки, другие – колчаны, третьи были косторезами. Были среди них и мастера-седельники,

передававшие свои навыки последующим поколениям вплоть до наших дней. Изготовление седла требовало специальных навыков и знаний, и этому делу обучали, готовили специалистов. Сбрую для своего коня мог сшить каждый, приобретя у кузнеца удила и соединительные кольца, и считалось позором не владеть этим навыком. А вот сложные украшения сбруйных наборов дорогими бляхами делали, несомненно, специалисты-шорники.

О развитии ювелирного искусства говорят разнообразные женские украшения: женщины-кыпчачки носили своеобразный головной убор, характерные серьги и нагрудные украшения. Археологи подчёркивают, что они неизвестны ни на Руси, ни в Грузии, ни в Византии, ни в крымских городах. Очевидно, их изготавливали степные мастера-ювелиры, редкие из которых продолжали заниматься ювелирным творчеством вплоть до середины XX века.

Как мы видим, есть все основания говорить о существовании в половецко-кыпчакском обществе довольно развитой ремесленной прослойки. Одни из ремесленников предпочитали сидеть в становищах и городах, другие могли быть бродячими, переходящими из становища в становище в поисках заказов. Благо для этого был широко развит гужевой транспорт. Такими бродячими мастерами были также многочисленные скульпторы, изготавливавшие по заказам кыпчаков каменные изваяния. Это было налаженное сложное дело, включавшее знания, навыки и талант архитектора, камнереза и скульптора.

Таким образом, совершенно отчётливо видно, что кыпчаки как народ-скотовод вовсе не являлись отсталыми по сравнению с тем народом, который якобы занимался исключительно земледелием.

Историческая правда состоит в том, что кыпчаки, как «кочевой народ», технологию разведения животных довели до очень высокого уровня и, сочетая её в то же время с земледелием, в XII–XIII вв. являлись высокоразвитым народом, который, правда, пока ещё не делился на городских и сельских жителей. Однако отдельные категории населения, в зависимости от определённого цикла специфических процессов в животноводстве как способе производства материальных благ, в соответствующие сезоны периодически меняли городской образ жизни на сельский. Причём ремесленничество в городах и технология переработки животного сырья были настолько сильно развиты, что это позволяло на длительное время и на большие расстояния уезжать из городов, перегоняя скот с одного пастбища на другое в прекрасно оборудованных кибитках на колёсиках. А также позволяло жить, в зависимости от времени года, в сборочных войлочных кибитках, не испытывая недостатка ни в чём. При этом такие переносные жилища летом спасали своих обитателей от палящей жары, а зимой при суровых морозах сохраняли вполне сносную тёплую температуру. Причём обитатели кибиток зимой на ночь укрывались, как подобает цивилизованным людям, одеялами из овечьего или верблюжьего меха, предварительно раздевшись.

Население, которое жило в городах Кыпчакского ханства, ежедневно и непрерывно получало как продукцию, так и иное сырьё животного и неживотного характера, необходимое для обустройства жизни в городах, а также сырьё для кожевенной и ткацкой промышленности.

Следовательно, богатый и многообразный, усложнённый образ жизни кыпчаков, обусловленный характером многогранного материального производства, сильно недооценивают. Кочевничество становится всего лишь дополнительным производством там, где скотоводство является ведущей отраслью.

Вместе с тем именно животноводство и обеспечивало экономический подъём, который, в свою очередь, стимулировал в качестве экономического фактора объединительные процессы в государстве кыпчаков.

Это было время, когда на волне объединительных процессов на политическую арену выдвинулись наиболее влиятельные представители как кыпчакской, так и русской знати.

До начала XIII в. трудно определить явных лидеров с обеих сторон, претендующих на роль объединителя. В русской историографии распространено мнение о Владимире Мономахе,

который выделялся впечатляющей дерзостью и организаторскими способностями. Ему доводилось организовывать частые походы против половцев-кыпчаков и нередко отражать нападения со стороны последних. Однако есть версия, что он отличался известной горячностью, и это помешало ему в период упадка Киевской Руси сыграть роль собирателя земель.

После Мономаха представители знати Киева и восточных земель Галицкой Руси, выступая с вполне конкретными претензиями на власть, всё же не были готовы к союзу друг с другом. На то имелись вполне веские причины. С момента принятия, а вернее, насаждения христианства князем Владимиром на западных территориях Руси русский народ переживал один из самых драматичных периодов. Русь была расколота на христиан – последователей государственной религии, объявленной князем Владимиром, – и староверов, придерживавшихся большей частью принципов своей традиционной религии – ведической, которую, равно как и тангрианство (тенгрианство), считают языческой.

Солтан Котен, обладавший сакральными (ведическими) знаниями, с присущей ему дальновидностью уже успел собрать вокруг своей орды всех западных кыпчаков и православных русских князей и пользовался огромным уважением у населения. Вдобавок популярный русский князь Мстислав был зятем солтана Котена, что давало дополнительный плюс позиции хана и перед русскими феодалами. Надо сказать, что солтан Котен стал активно развивать инициативу по объединению, умело пользуясь разногласиями между ведическими русскими князьями и новоявленными христианами.

Начиная с 1202 года Котен предпринял реальные шаги, чтобы верховодить самому, и подстрекал к агрессии против Галича киевского князя – Владимира. Да и сам не раз вместе с отрядом своего кыпчакского сподвижника Самогура и в союзе с Киевом совершал походы на Галич.

Князь Даниил был непримиримым врагом Котена. В нём он видел главного своего соперника. Западные русские земли находились под властью Галицкого князя, и тот пытался, опираясь на помощь католиков Венгрии и Литвы, подчинить себе оставшуюся часть русских земель и всю половецкую степь. Солтан Котен тем временем уже стал признанным правителем всего Кыпчак эля и восточных русских земель. Его активно поддерживал князь Мстислав, породнившийся с ним, и, будучи его зятем, как само собой разумеющееся признавал верховенство своего тестя. За ними пошли многие влиятельные русские князья восточной части Руси.

Даниилу и Мстиславу противостояла та часть русского населения, которая, несмотря на крещение Руси в 988 году, в основной своей массе ещё продолжала придерживаться ведической религии. И то, что Галицкий князь Даниил находился под влиянием католического Папы, который собирался короновать его в короли, для ведической Руси было совершенно неприемлемо. Разумеется, князь Даниил был отвергнут ведической частью русского населения. Эта часть, в свою очередь, становилась естественными союзниками кыпчаков, исповедующих тангрианство и духовно близких с ведическими русскими.

Этот союз близких по духу народов создавал благоприятные предпосылки для экономического и политического возвышения Дешт-и-Кыпчака на Евразийском континенте. Военный и политический авторитет солтана Котена укреплял не только его личную власть, но и объединённые кланы, которые были так богаты на выдающихся личностей.

Князь Даниил, видя растущее влияние и международный авторитет солтана Котена, решил пойти на хитрость. Он то неоднократно пытался пригласить солтана Котена к себе, то сам напрашивался к нему, пытаясь наладить с ним отношения, однако последний игнорировал все его попытки сближения.

Солтан Котен собирал сведения о положении дел, в результате чего у него сформировалось вполне ясное представление о происходящем вокруг Кыпчак эля.

Он был достаточно хорошо осведомлён о том, что генуэзские инженеры под боком Дешт-и-Кыпчака обучали людей Чингисхана строить осадные машины и что по просьбе военных

армии Чингисхана в 1217 году Папа Гонорий III послал в ставку Чингисхана особую делегацию. Она состояла из полководцев-тамплиеров, специалистов по строительству и разрушению крепостей, и особых доверенных лиц по делам политики. Тамплиеры давали уроки по управлению войсками, где особое внимание уделялось взаимодействию лучников и тяжёлой кавалерии, а также штурму вражеских укреплений.

Так через своих ставленников – тамплиеров – папская курия снискала у чингизидской знати не только уважение, но и доверие. Гонорий III был крайне озабочен нашествием мусульман на Палестину и склонял Чингисхана как можно скорее напасть на Хорезм. Он был очень обеспокоен, что последователи Магомета, воюя с католиками, часто заключают союз с Русью, особенно если это касается войн с Византией.

После разгрома войск Хорезма контакты Чингисхана с Папой участились. Теперь последний был заинтересован, чтобы чингисхановские войска не тянули с походом против кыпчаков. Гонорий III понимал, что солтан Котен всё активнее внедряет свои боевые отряды в приграничные провинции Византии. Многие византийские аристократы с охотой нанимали на службу кыпчакских воинов, которые усиливали влияние на Византию преданной солтану Котену кыпчакской знати. Да и предусмотрительный Котен у себя дома успешно проводил политику объединения. Многих непокорных русских князей он уже усмирив. Князь Даниил перед Котеном теперь уже заискивал, не скрывая своего почтительного отношения к нему. Солтан Котен собрал под своё крыло большое количество кыпчакских орд, которые составили ядро западного объединения.

Войска Чингисхана после хорезмского сражения, хоть и не успели полностью восстановить силы, но под нажимом тамплиеров были вынуждены атаковать кыпчаков. И в 1223 году, после удара по мусульманам, его тумены, пройдя Дербентским проходом вокруг Каспия, ворвались в пределы восточноевропейской степи.

На реке Калка состоялось сражение войск Чингисхана с объединёнными войсками половцев (кыпчаков) и русских. Значение этого сражения оценивают по-разному. Нет сомнения, что католическое папство вынудило Котена отказаться от притязания на византийское влияние. Союз кыпчаков и русских из-за раздробленности Руси оказался не совсем прочным. Мусульмане в Средней и Передней Азии оказались не в состоянии поддержать кыпчаков и русских. Римский Папа потирал руки, он получал возможность снаряжать отряды в поход на Палестину, а также на Прибалтийские земли, которые он рассчитывал превратить в свой анклав для последующего нападения на русские и кыпчакские земли.

Кыпчакские и русские князья видели, что западноевропейские государства и религиозно-политические организации всё более активно проводят политику экспансии на восток. Идеологическое обоснование такого рода политики исходило от римской католической церкви, призывавшей к скорейшему крещению язычников и стремившейся утвердить своё влияние на востоке.

Наиболее агрессивно стремились внедриться на восток поддерживаемые папской курией немецкие духовно-рыцарские ордена. В результате провозглашённого Ватиканом крестового похода, в первую очередь в Прибалтику, туда устремились католические миссионеры и жаждущие добычи и приключений рыцари и авантюристы. Ещё в 1201 г. в устье Западной Двины захватчики основали крепость Ригу, а в 1202 г. был основан Орден меченосцев (от изображения меча и креста на орденской одежде). К 1237 году образовался Ливонский орден, возникший в результате объединения ордена меченосцев с находившимся в Пруссии Тевтонским орденом. Ливонский орден стал главной военно-колониционной опорой Ватикана в Восточной Европе.

История фактически умалчивает о фактах согласованных действий между кыпчакскими и русскими князьями. Однако реконструкция исторических событий того времени наталкивает на мысль, что их тактика совершенно чётко укладывается во вполне разумную логику.

Было совершенно очевидно, что войска Батыя уже стремительно наступают на Северный Кавказ, умело используя противоречия внутри самих кыпчакских биев и рассчитывая на то, что на западных землях Руси население будет вовлечено в события, которые происходят в соседней Прибалтике. Дания и Швеция активно действовали в восточной части Прибалтики, где датчане основали крепость Ревель (на месте современного Таллина), а шведы стремились утвердиться на острове Саарема (Эзель) и на побережье Финского залива.

Усиливающаяся экспансия западноевропейских рыцарей на восток серьёзно угрожала интересам русских княжеств. Можно было не сомневаться, что, утвердившись на Прибалтийских землях, следующим шагом по захвату орден сделает сопредельные с Прибалтикой русские территории. Поэтому в борьбу за Прибалтику активно включились западные русские земли, прежде всего Полоцк и Новгород. В своих действиях русские находили поддержку со стороны местного населения, для которого угнетение, принесённое рыцарями, было во много раз тяжелее дани, собираемой полоцкими и новгородскими властями.

Во главе Ливонского ордена стоял магистр, имевший в принципе неограниченную власть. По соглашению с Ватиканом, одна треть всех завоёванных земель Прибалтики поступала в собственность Ордена. Местное население подвергалось беспощадному ограблению и в случае малейшего неповиновения безжалостно истреблялось.

Летом 1240 г. шведская флотилия под командованием военачальника Биргера неожиданно появилась в Финском заливе, и, пройдя по реке Нева, встала в устье реки Ижора. Здесь шведы раскинули свой временный лагерь. Новгородский князь Александр Ярославич, спешно собрав небольшую дружину и часть ополчения, решил нанести противнику неожиданный удар. 15 июля 1240 г. в результате бесстрашия и героизма русских войск и таланта их полководца более многочисленное шведское войско было разбито. За победу, одержанную на Неве, князь Александр был прозван Невским. Невская победа над шведами предотвратила потерю Русью выхода в Балтийское море и угрозу прекращения торговых связей с Западной Европой.

В это же время к захвату русских земель приступили рыцари Ливонского ордена. Рыцарям удалось овладеть Псковом, Изборском, Копорьем. Положение дел в Новгороде осложнилось и тем, что в результате ссоры с новгородским боярством князь Александр Невский временно покинул город. Опасность, угрожавшая Новгороду, заставила его население вновь призвать князя Александра Ярославича.

В результате успешных действий русских войск от нашествия рыцарей были освобождены Псков и Копорье. 5 апреля 1242 г. на льду Чудского озера встретились основные силы немецких рыцарей и русское войско во главе с князем Александром Невским. Здесь произошла одна из самых знаменитых битв русского средневековья, получившая название Ледового побоища. В результате ожесточённого сражения русские одержали решительную победу. Битвой на Чудском озере рыцарское наступление на Русь было приостановлено. Однако угроза военной и религиозно-духовной экспансии с Запада во многом продолжала влиять на внешнюю политику русских земель. Начинался новый этап истории половцев в восточноевропейских степях.

Царевич Мангыш

Мангышским называли улус – поместье Мангыша, старшего сына солтана Котена, который, по кыпчакским традициям, достигнув совершеннолетия, был наделён личным поместьем и многочисленными стадами скота для поддержания своей семьи и улусного войска. Отныне он, старший сын, будет вести своё хозяйство самостоятельно, признавая над собой, разумеется, власть родителя как отца и верховного правителя. По кыпчакским обычаям, старшему сыну не полагалось наследовать власть отца, если в доме ещё были живы дядья, родные братья отца. Однако по праву первенца он пользовался в роду в определённом смысле особыми привилегиями, в силу чего его улус, Пруто-Днестровское междуречье, занимал важное место во всём кыпчакском объединении. Размеры улуса, величественно простиравшаяся степь, богатая растительностью и различной живностью, огромные табуны и стада крупного рогатого скота, а также развернувшееся в Приднестровье градостроительство вполне соответствовали статусу принца Мангыша. Мангыш с присущим ему гостеприимством по поручению Котена устраивал приёмы предводителей сильных туменов. Среди кыпчакской знати отсутствовало единство в борьбе с монголами. В степях существовали различные самостоятельные предводители туменов, упорно отказывающиеся признавать власть Котена. Некоторые объединения обладали собственными вооружёнными отрядами, но ещё не определились, к кому примкнуть. Мангыш призывал их не враждовать друг с другом. Ему приходилось встречаться с предводителями кыпчакских племён Предкавказья, Крыма и Поволжья.

На Калке Чингисхан явно обнажил свои агрессивные амбиции, и Котен с Мангышом ещё ожидали впереди решающее сражение. Котен уже знал, что в разных юртах люди Батыя вели подрывную работу. На западных границах галицкий князь почти открыто заигрывал с католическим Папой. И Котен поспешил нанести несколько упредительных ударов по Галицкому княжеству, чтобы дать почувствовать угрозу разорения. Развить движение вглубь на запад Котен не успел. Вестник из Поволжья сообщил, что отряды Батыя совершили опустошительные набеги на Саксин (Нижнее Поволжье, Волжская Болгария) и восточную часть бассейна Дона, и ему пришлось в спешном порядке повернуть свои войска обратно.

Но коварство и жестокость Батыя этим не ограничились. В пути солтана Котена настигла трагическая весть об убийстве его сына Мангыша. Вероломное и предательское нападение на Мангыша и его личную охрану совершили люди Аккубуля из племени Токсобичей. Честолюбивый Аккубуль всегда завидовал таланту и авторитету Котена. Котен давно подозревал его в связях с Батыем, и теперь Аккубуль со своими людьми открыто перешёл на сторону Батыя.

Первым делом Котен распорядился увести своего малолетнего внука Аккаса, сына Мангыша, и послал самую преданную сотню. А сам оперативно развернул массированную атаку на Токсобичей. Стремительный натиск войск солтана Котена притеснил конницу Аккубуля, где последний получил серьёзное ранение. Воины Котена самоотверженно сражались и легко отбросили отряды Аккубуля, преградив им путь для отступления. Брат Аккубуля, Ансар, обратился за помощью к Батыю, с которым тот после калкинского сражения находился в стоворе. Столкновение с объединёнными войсками Токсобичей и Батыя произошло на территории кыпчаков, в Приднестровье. Разгромленные Токсобичи, которым даже поддержка чингизида не принесла спасения, были изгнаны с позором. Их остатки в дальнейшем полностью примкнули к наступающим войскам Батыя, становясь послушным орудием в руках последнего.

Вторжение Батыя в Кыпчак эл началось с юга, пройдя вдоль южного берега Каспия в Азербайджан, оттуда в Ширван и далее через Ширванское ущелье на Северный Кавказ и в предкавказские степи. Во главе войск Батыя стояли двое наиболее жестоких и талантливых полководцев: Джебе и Субедей.

Перейдя границы Кыпчакии, они сначала захватили возвышенность, получившую впоследствии название Ставропольской, потом – Прикубанье, а далее прибыли к городу Судак, известному городу кыпчаков, который к тому времени считался одним из процветающих торговых центров. Придя к Судаку через Таманский полуостров и пролив, они достигли Крыма и разграбили один из самых богатых его городов. Так постепенно батыевы войска начали раскататься по югу восточноевропейских степей.

После битвы на Калке это была вторая волна монголов, которая хлынула в 1228–1229 гг. в Восточную Европу. Теперь поход был направлен приказом Угедея, избранного после смерти Чингисхана великим кааном. Монголы зачастую брали города, подкупая представителей местной знати, назначая их своими наместниками, предоставляя им различные привилегии. Новые выдвиженцы старались укреплять свою власть всеми способами, предавая своих соотечественников. Для людей солтана Котена это затрудняло их сопротивление. Вместо того чтобы направлять остриё своих мечей против завоевателей, им приходилось иметь дело со своими же соотечественниками, которые теперь уже находились на службе у Батыея, представляя власть узурпаторов. Отказываясь от братоубийственной войны, солтан Котен сосредоточил свои основные боевые силы в Пруто-Днестровском междуречье с центром в городе Исакча, в своём родовом поместье.

А тем временем наступление Батыея теперь уже без Чингисхана продолжалось всё интенсивнее, и главным образом в направлении Руси.

Первым из русских земель подверглось опустошению Рязанское княжество. Рязанские князья отказались подчиниться монголам. В то же время их просьба о помощи, обращённая к великому владимирскому князю Юрию Всеволодовичу, осталась без ответа. Рязанское княжество было опустошено и разорено. Столица княжества Рязань после нескольких дней непрерывного штурма была взята и разграблена, её население вырезано. С самого начала вторжения завоевателей население Руси оказывало им упорное сопротивление. Сохранилось сказание о замечательном подвиге рязанского боярина Евпатия Коловрата, который сам напал на войско Батыея, сумел нанести большие потери врагу и героически погиб в бою с захватчиками.

Опустошив Рязанскую землю, войска Батыея двинулись на Владимиро-Суздальское княжество. Монголы разорили и сожгли Коломну, Москву. В феврале 1238 г. они подошли к столице княжества Владимиру. После ожесточённого штурма Владимир был взят и подвергнут полному разрушению. Вскоре после этого на реке Сити (правый приток реки Молога) владимирское войско было уничтожено монголами, сам князь Юрий Всеволодович в ходе битвы погиб.

До 1236 года западной группе кыпчаков удавалось успешно отражать непрерывные натиски полчищ Батыея. Проникнуть на территорию Котена Батыею не удалось. Тогда Батый перекрыл связь остальной части Кыпчакии с западной группой кыпчаков. Затянувшаяся блокада вокруг Пруто-Днестровского междуречья вынудила западных кыпчаков постепенно перебираться на территорию венгров. Сам солтан Котен ещё долго оставался в Исакче; вероятно, именно в это время и было принято решение организовать партизанское движение в тех улусах, где были сосредоточены представители древних кыпчакских аристократов.

В это время король Венгрии Бела, внучатый племянник Котена по материнской линии, всячески уговаривал своего родственника перейти со своей гвардией в Мадьярское королевство.

Солтан над предложением короля стал задумываться всё серьёзнее, поскольку руководить силами сопротивления с территории Венгрии в складывающейся в Кыпчакском ханстве ситуации могло оказаться более эффективным.

Завоевателями были теперь уже разорены Переяславль, Чернигов. Зимой 1240 г. войска Батыея взяли и разграбили Киев. Однако усталость от длительного похода, усиление борьбы за власть вокруг трона правителя империи Чингисхана, а главное – непрекращающееся сопро-

тивление разорённых, но до конца не покорённых кыпчакско-русских земель заставило завоевателей перейти к несколько более умеренным методам, а именно – оттеснению местной элиты от административно-политического управления.

Между тем наиболее непримиримая часть кыпчакской элиты во главе с Котеном приняла, наконец, решение сколотить силы на территории Венгрии.

Король Бела, принимая половцев, тайно рассчитывал, что те станут его подданными и примут католичество. За приобретение новых верующих он, разумеется, добьётся большей благосклонности римского Папы. А в лице мужественных и опытных всадников-кыпчаков он мечтал обрести сильное войско, способное отразить напасти извне и обезопасить себя сильной личной охраной.

Солтан Котен принял приглашение венгерского короля, намереваясь также дать своим людям время подлечить раны и собраться с силами.

Пройдя через южные Трансильванские отроги Карпатских гор, кыпчаки в сорок тысяч шатров прибыли на мадыарскую равнину. Со своими табунами и стадами скота они широко разлились по привольным степям Венгрии.

Котен с сыновьями прибыл в столицу Буду и был сердечно принят королём Белой. Венгерскому королю льстило, что сам кыпчакский солтан Котен и его люди всецело покровительствуют ему и его власти. К тому же солтан Котен подтвердил, что в случае необходимости его войска будут биться рядом с войсками короля.

И кыпчаки очень быстро стали обживать новые территории; буквально за короткое время они, оправившись, вновь воспряли духом. В Венгрии они наладили бурную торговлю внутри страны и с соседней Болгарией. Обновили свои снаряжения, боевых коней. Молодые кыпчаки спешили в бой с монголами, стремясь вернуться на свои родные земли.

Со стороны местной знати это вызывало неоднозначную реакцию. Внутри Мадьярского королевства стало зреть недовольство кыпчаками, которое в значительной степени провоцировалось местными вельможами. Знатные вельможи испытывали страх перед сильными и мужественными воинами кыпчаков. Самого Котена они ненавидели ещё больше, опасаясь его растущего влияния на короля. Их нападки на кыпчакского лидера ещё более усилились после воззвания Папы римского ко всем верующим христианского мира, в котором содержался призыв объединиться для борьбы с язычниками. Папа римский также гарантировал королю Беле помощь европейских государей. Придворных феодалов подстёгивало распространяющееся мнение о возможном создании объединённой армии европейских государей против грозного хана Батыя.

Король Бела по настоянию придворной знати пригласил на собрание солтана Котена с сыновьями. Ни о чём не подозревавший солтан прибыл в королевский дворец со своими сыновьями без усиленной охраны, полагая, что едет к родственнику и союзнику.

Во время встречи венгерские землевладельцы и местная влиятельная знать открыто стали выражать недовольство королём за то, что он якобы отдал мадыарские земли куманам (половцам-кыпчакам). Солтан Котен попытался защитить короля и уверял королевскую свиту, что кыпчаки лишь временно обосновались здесь и что они не собираются отказываться от своих собственных земель у себя на родине. В ответ феодалы стали обвинять Котена в измене и называли его лазутчиком Батыя. Король Бела предложил первым делом расследовать, действительно ли солтан Котен является лазутчиком хана Батыя. Однако расщепившаяся знать продолжала оскорблять приглашённых кыпчаков. Они утверждали, что значительная часть земель пострадала, потоптаны пашни, огороды и виноградники. В этот момент они не хотели вспоминать, что сейм венгерских баронов санкционировал поселение половцев в междуречье Дуная и Тиссы и на восточных окраинах государства добровольно. Котену стало ясно, что сейм тогда дал согласие, напуганный вестью о силе надвигавшихся монгольских войск. Солтан Котен обладал огромной выдержкой и никогда не терял самообладания. Несмотря на преклонный

возраст, он был необычайно силен. В открытом бою ему не было равных. В совершенстве владея саблей, он, тем не менее, славился тем, что в бою часто громил противников врукопашную, оглушая их сильными ударами, без намерения лишать жизни. Поэтому Котен вместе со своими сыновьями на истерику вельмож реагировал вполне хладнокровно и отгонял от себя даже мысль о коварных замыслах с их стороны. Котен и сыновья не намеревались ввязываться в стычки и рассчитывали решать возникшие противоречия мирным путём.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.